

Е.Н. Трубецкой

**Иное царство и его искатели
в русской народной сказке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.Н. Трубецкой**
Иное царство и его искатели в русской народной сказке / Е.Н. Трубецкой – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 48 с.

ISBN 978-5-458-09197-8

ISBN 978-5-458-09197-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I. От бедности к богатству. „Иное царство“.

Есть в этой сказке образ, в котором ясно обнаруживается основной мотив, движущий нерв всего сказочного творчества. Жили-были старик со старухой в великой скудности и бедности. Раздобыл старик краюшку хлеба для себя и семьи и только было начал ее резать, как «вдруг из-за печки выбежал Кручина, выхватил из рук его краюшку и ушел опять за печь». Сколько ни молил старик, отнятого обратно не получил, но приобрел взамен иной, *волшебный* дар. Сказал в ответ старику Кручина: «Я тебе краюшки твоей не отдам, а за нее подарю тебе уточку, которая всякий день будет несть позолотому янчку»¹⁾.

От бедности и скудности жизни происходит все наше человеческое искание неизреченного, волшебного богатства. От начала и до конца сказка—дنيا нашей кручины и печали. Об этом говорят бесчисленные сказочные образы; об этом поет и песня народная; горе—стимул всех магических превращений.

Повернулся добрый молодец ясным соколом,
Поднимался выше леса под самые облака,
А Горюшко вслед черным вороном
И кричит громким голосом:
Не на час я к тебе Горе привязался,
Падет добрый молодец на сыру землю.
Повернулся добрый молодец серым волком,
Стал добрый молодец серым волком поскакивать,
А Горюшко вслед собакою.

Одна забота в особенности служит двигателем сказочных подвигов, одна «дума глубокая»,—как разогнать злую кручину, чем жить поживать²⁾. На такое происхождение сказки указывают и любимые имена сказочных героев. Есть, например, целая сказка «О Горе-горячине Даниле-дворянине»: «Жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил, и пошел он в *новое* (вар. иное) *царство лучшего места искать*»³⁾. «Иного царства» и «нового места» ищут все неудовлетворенные жизнью: имена их на языке у всех сказателей. Это Данило

¹⁾ № 114, в. Сказка про утку с золотыми яйцами.

²⁾ № 88, Шабарша.

³⁾ № 179 (примечание к сказкам 178—179).

Безсчастный ¹⁾, несчастный Василий Царевич ²⁾, да купеческий сын, не нашедший в жизни счастья и зато Высочайше удостоенный особого наименования: пожалел его сам царь, не стал наказывать за содеянную им вину; «назвал его Бездольным, велел приложить ему в самый лоб печать, ни подати, ни пошлины с него не спрашивать и, куда бы он ни явился, накормить его, напоить, на ночлег пустить, но больше суток нигде не держать» ³⁾. В числе этих обиженных судьбою есть несчастные по разным причинам: бедные в буквальном смысле, притесненные и обиженные, жертвы ненависти злой мачехи, жертвы зависти сестер, братьев и вообще лихих людей. Есть и многообразные представители нищеты духовной, а в их числе народный любимец—*дурак*, тип особенно часто встречающийся, потому что, по выражению сказки, «Бог дурней жалует» ⁴⁾.

Уход от гнетущей человека бедности жизни, под'ем к неизреченному богатству чудесного в связи с исканьем «иног царства» есть общая черта всех веков и всех народов. Истина эта открылась уже в древности Платону, который учил, что Эрос, рождающий красоту, есть дитя бедности и богатства. Соответственно с этим несчастный, обездоленный и дурак занимают в сказках всех народов видное и почетное место. Национальная окраска проявляется лишь в конкретном изображении этих героев, в конкретном понимании той бедности, от которой они ищут спасения, и того богатства, в котором они его находят.

В русской сказке необыкновенно ярко и образно отражается психология русской народной печали. Возвращается бедняк с богатых именин, где его обнесли кушаньями и пробует затянуть песню, чтобы казаться людям веселым. Поет-то один, а слышно два голоса, остановился и спрашивает: «Это ты, Горе, мне петь подсобляешь?» Горе отозвалось: «Да, хозяин, это я подсобляю». «Ну, Горе, пойдем с нами вместе». «Пойдем, хозяин, я теперь от тебя не отстану». И ведет Горе хозяина из беды в беду, из кабака в кабак. Пропивши последнее, мужик

¹⁾ № 178. . .

²⁾ № 179.

³⁾ Поди туда, сам не знаю куда, 122, d.

⁴⁾ Летучий корабль, № 83.

отказывается: «Нет, Горе, воля твоя, а больше тащить нечего». «Как нечего? У твоей жены два сарафана: один оставь, а другой пропить надобно». Взял мужик сарафан, пропил и думает: «Вот, когда чист! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене»¹⁾. И вместе с мужиком сказочное воображение изыскивает способы избыть это горе.

Бедность жизни ощущается людьми по разному, соответственно различию в настроении, в жизнепонимании и в особенностях—в душевном строе. Души низменные отождествляют ее с бедностью в буквальном смысле слова, т. е. со скудностью материальных средств. Отсюда рождается та вульгарная, приземистая сказка, для которой искомое «иное царство» есть в общем идеал сытого довольства. Такое настроение всего лучше характеризуется теми жирными, дразнящими аппетит «присказками», которыми начинается у нас многие сказки. «На море—на океане, на острове Буяне стоит бык печеный, в задку чеснок толченый; с одного боку-то режь, а с другого лакай да ешь»²⁾. Для вульгарного жизненного искомое «иное царство» страна с молочными реками и кисельными берегами, «где много всякого рода напитков и наедков». Но такое жизнепонимание характеризует лишь нижний, *житейский*, уровень сказки, тот первый ее этаж, где волшебное в собственном смысле еще не начинается. Для более высоких ступеней духовного подема вкусное и жирное—только предисловие к магическому.—Были мы, братцы, у такого-то места, наедались пуще, чем деревенская баба теста. Это—присказка, а сказка будет впереди³⁾. Для сознания более глубокого бедность и скудность—общее свойство всего вообще житейского. Эта черта присуща всему земному вообще, независимо от степени сытости и довольства. Те избранные души, кои создаются высшие ценности сказочного творчества, не находят в серой обыденщине человеческой жизни ни подлинного добра, ни подлинного худа.

Обыденная жизнь отталкивает их именно тем, что в ней все *относительно*, а потому самому все нудно и безцветно. Об этом говорят множество вариантов сказки «Худо да хорошо».

¹⁾ № 171, Горе.

²⁾ 165 а, Незнанко.

³⁾ № 79, Иван Сученко и Белый Полянин.

Спрашивает барин мужика, зачем он в город ездил? Тот отвечает: «За покупкою дорогою, за мерою гороха.—Вот это хорошо!—Хорошо да не дюже.—А что-же?—Ехал пьяный, да рассыпал.—Вот это худо!—Худо да не дюже.—А что-же?—Рассыпал-то меру, а подгреб-то две!—А вот это-то хорошо!—Хорошо, да не дюже.—Да что-же?—Посеял да редок.—Вот это худо!—Худо, да не дюже.—А что-же?—Хоть редок, да стручит.—Вот это хорошо!—Хорошо, да не совсем!—А что-же? Поповы свиньи повадились горох топтать, топтать, да и вытоптали». Так не находит мужик подлинного добра или худа ни в горохе, ни в свиньях, ни в сторожевых псах, ни в рыжей корове, — ни в чем вообще житейском¹⁾. Дальше нам придется встретиться со сказочными героями, которые презирают золото, не находят себе удовлетворения даже на высших ступенях житейского благополучия. В них мы и найдем подлинную душу сказки. В сказке выражается *подъем к чудесному над действительным*. Этим и объясняется тот факт, что житейский аппетит в ней всегда обманут. Конец сказки заключает в себе некоторое для него разочарование.—«И я там был, мед, пиво пил, по усам текло, да в рот не попало». Но с другой стороны именно в этом житейском разочаровании—тайна иного, высшего очарования этого сказочного хмеля.

Сказка не насыщает; но именно поэтому ею нельзя пресытиться. Именно этот подъем над житейским делает ее нужною всем народам, всем ступеням культуры. Лучшее доказательство мы—взрослые, образованные люди, в том числе и те, которые воображают, что они переросли сказку. Много ли останется от нашей поэзии и от нашей музыки, если выкинуть из них сказку и сказочное? В этом лучшее доказательство того, что в сказке зарыто какое-то великое сокровище, без которого мы обойтись не можем. Здесь вспоминаются мне слова старого и почтенного немца: «Мне за пятьдесят лет, а между тем я до сих пор не могу видеть без захватывающего радостного волнения первого появления Лоэнгринна по зову Эльзы». Всем нам нужны такие радостные волнения: без этого свежего подъема к чудесному самая жизнь была-бы нам невыносима. Вся сила чарующего действия волшебной оперы именно и заключается

¹⁾ № 230. „Хорошо, да худо“.

в том, что она вновь делает нам доступной *радость сказки*. Нам предстоит здесь выяснить в чем содержание и смысл этой радости.

II. Воровской идеал. Сказка в роли социальной утопии.

Все мы люди ищем «лучшего места» в мире земном или в мире надземном, но при этом всякий пред'являет к этому лучшему месту свои требования, соответствующие его настроению, наклонностям и жизненному идеалу. В числе искателей «инога царства» есть люди высшего, высшего и среднего духовного уровня: все они оставили в сказке свои следы, выразили в ней свою особенную мечту о лучшем мире. Я начну с того грубого и вульгарного жизненного идеала, который не поднимается над житейским материализмом; как сказано, он заполняет нижний этаж сказки.

Самое элементарное проявление этого жизнечувствия — мечта о богатстве, которое само собою валится в рот человеку без всяких с его стороны усилий. Тема эта развивается в многочисленных сказках, коих героями являются всегда бедные, немущие. Есть, например, типичная сказка о «хитрой науке»: бедной старухе «захотелось отдать сына в такую науку, чтобы можно было ничего не работать, сладко есть и пить и чисто ходить». Сколько ни пытались люди уверить старуху, что такой науки нигде в целом свете не найдешь, она все свое, продала избу и говорит сыну: «Собирайся в путь, пойдем искать *легкого хлеба*»¹⁾. «Легкий хлеб» — вековечная мечта человеческой лени; естественно, что народная сказка с любовью останавливается на наиболее простом способе его добывания, — *на воровстве*. Сказки воровские имеются у всех народов²⁾. Воровство играет большую роль в языческих мифологиях; всем известен, напр., греческий бог — покровитель воровства — Гермес. А в немецком сказании о Нибелунгах все воруют друг у друга золото Рейна, и боги и смертные; на этом основано проклятие, коему подпадает обладатель этого золота. По Афанасьеву «сказка, как

¹⁾ № 140, с.

²⁾ Образцом может послужить, например, приводимая у Афанасьева немецкая сказка Daumendick (Мальчик с пальчик). См. № 168, примечание.

создание целого народа, не терпит ни малейшего уклонения от добра и правды», «требует наказания неправды и представляет добро торжествующим»¹⁾; но это замечание находится в полном противоречии с множеством сказок, им же собранных. Как раз в русской сказке сочувствие лени и воровству граничит с апофеозом лентяя и вора.

Сказка хорошо знает, что искатели дарового богатства легко попадают в плен к самому чорту. Ему отдается на обучение и тот сын старухи, о котором только что шла речь. Чорт оборачивает его в скворца, показывает его вместе с другими скворцами его матери и читает ей наставление: «Знай-же, все это люди, а не скворцы; все также по твоему искали легкого хлеба, да навсегда у меня и остались». Скворец спасается из плена не добродетелью, а хитростью²⁾. И это в сказке—обычный путь. Есть сказка о плуте-батраке, который самого нечистого перехитрил³⁾, есть другая об Иванко Медведко, который *обманом* добыл у беса золото⁴⁾, есть и третья об отставном солдате, который за деньги напаялся на службу к чорту: без денег, думает, плохое житье; хоть у чорта, все что нибудь да заработаю⁵⁾. Главный вдохновитель разнообразных сделок с нечистым и с собственной совестью родная лень, отвращение к труду. Образное выражение жизненчества лентяя дается сказкой о семи Семенах: «В одном месте у мужика было семь сынов, семь Семенов—все молодец молодца лучше, а такие лентяи неработицы, во всем свете поискать,—ничего не делали».—Спросил однажды этих молодцов царь: «чего они умеют делать». Старший так прямо и отвечал: «воровать, ваше царское величество». Прочие братья назвали иные специальности, по самым из них полезным оказался старший: он украл царю невесту. И счастье вознесло вора выше царя.—Царь то стар был, «а вор Сенька был бравый детина, царевне приглянулся». На вопрос, за кого она хочет замуж, она ответила: «*За того, кто меня воровал*»⁶⁾. Вообще

1) В предисловии к его собранию сказок.

2) 140 с. „Хитрая пацка“.

3) № 88, Шабарша.

4) № 89.

5) № 154, Береза и три сокола.

6) № 84, а (ср. варианты б, с).

счастье в сказке неизменно сопутствует лентяю и вору. Крайним выражением апофеоза лени служит сказка о Емеле дураке. Он проводит время в лежании на печи и на всякое предложение пальцем пошевелинуть для какого-либо дела неизменно отвечал: «Я ленюсь». Но ему достается волшебная щука, которая исполняет все его желанья. И он пользуется ее услугами единственно для того, чтобы все делалось *само собой*, без всякого с его стороны труда. «По щучьему велению, по моему прошению ступайте ведра сами в гору»; и ведра идут в гору. «По щучьему велению, по моему прошению, щука, топор, поди наруби дров, а вы дрова сами в избу идите и на печь кладитесь», и «по щучьему велению сани ступайте сами в лес». И по щучьему велению топоры рубят, незапряженные сани едут в лес, а дрова сами попадают в печь ¹⁾.

Услуги магии не всякому доступны и дар «щучьего веления» достается людям в удел сравнительно редко. Волею-неволею приходится осуществлять идеал лентяя теми естественными способами, которые всем по плечу. Об этих способах говорят разнообразные варианты сказки о воре. Старик и старуха ведут сына в город «в науку отдавать»; и попадает он на обучение к мастеру вору, который дает своему мастерству характерное определение — «я ночной портной: туда-сюда стегну, шубу с кафтаном за одну ночь сошью». В результате обучения получается такой художник воровского искусства, который знает, как у сороки яйца украсть, как с живого человека штаны снять, и даже как на глазах у барина украсть барыню ²⁾. Сочувствие воровству и вору замечается не в одних только сказках низшего сорта: воровством промышляют и сказочные герои более высокой категории, богатыри и царевичи. Юная аудитория, которая восхищается, напр., сказкою о Иване Царевиче, не отдаст себе отчета в том, что любимые подвиги этого и многих других героев — добывание жар-птицы, гуслей самогудов и прекрасной царевны большею частью основаны на воровстве. Здесь вор не замечается слушателями сказки потому, что воровство заслоняется общим под'емом над житейским и вор принимает облик рыцаря, совершающего

¹⁾ № 100 а, б, Емеля дурак.

²⁾ № 219, а, б, с, д, е, ф, г, h.

чудесные подвиги. Есть сказки, где хищения облакаются таинственным волшебным покрывалом, но есть и другие, выражающие высшую ступень нравственного сознания, где воровство, ничем не прикрытое и не приукрашенное, нравится само по себе как «художество» и как наука устройства лучшей жизни.

Не удивительно, что этот воровской идеал находится в самом тесном соприкосновении с специальной мечтой простого народа. Есть эпохи народной жизни, когда все вообще мышление народных масс облакается в сказочные образы. В такие времена сказка—прибежище всех ищущих лучшего места в жизни и является в роли социальной утопии.

Я уже говорил о том, какое видное место отводится в сказке бедняку и его жизненному идеалу. Мечтания бедняка в русской сказке нередко носят определенную классовую окраску. Там мужик жалуется на барина: «Правдой век прожить не сможешь: кривдой жить вольготней. Вот и наше дело: безперечь у нас господа дни отнимают, работать на себя некогда»¹⁾. И невольной сказочной мечта стремится возвести бедняка над знатью, над купцами, вообще над господами. Эта мечта принимает разнообразные формы: то волшебный корабль совершает для царя чудесные подвиги и царю доносят, что «на корабле нет ни одного папа, а все черные люди», и «черный человек» оказывается наиболее достойным женихом для царевны; то сказка заводит речь о батраке, который нанялся к купцу безденежно, за право дать хозяину по окончании года «щелчок и щипок». Прослужил батрак у купца целый год, дал ему щелчок в лоб, только и жил купец. Батрак «взял себе его имение и стал себе жить, поживать, добра припасать, лиха избывать»²⁾. В других случаях «простой человек»—богатырь посрамляет подвигом силы и мужества всех думных бояр»³⁾. В сказке о двух Иванах рассказывается, как солдатские сыновья скоро научились грамоте «и боярских и купеческих детей за пояс затянули»⁴⁾. Простой горшечник побеждает в разгадывании загадок всех бояр⁵⁾, а солдат—купцов⁶⁾.

¹⁾ Правда и Кривда, № 66, а.

²⁾ Батрак, № 87.

³⁾ Зорьга, Вечерка и Полуночка, № 80.

⁴⁾ Два Ивана—солдатских сына, № 92.

⁵⁾ Горшняк, № 186.

⁶⁾ Мудрые ответы, № 187.

Большое внимание уделяется сказкой и жизненному идеалу простого человека, который очерчивается довольно яркими штрихами. Это прежде всего мечта о том веселом житье, которое олицетворяется царским пиром: свадьба королевича была веселая, все кабаки и трактиры на целую неделю были открыты для простого народа безденежно¹⁾. В сказке о безногом и слепом рассказывается, как царь поручил мужику добыть ему невесту «красше солнца» и посулил за то сделать его первым министром, но наперед разрешил мужику «погулять», выдал ему «открытый» лист за своим подписом, чтобы во всех трактирах и харчевнях отпускали ему безденежно всякие напитки и кушанья. Мужик прогулял три недели²⁾. Этот народный разгул вообще одна из любимых тем русской сказки; вся социальная утопия сказки окрашивается прежде всего стремлением наестся и напиться вволю. Наиболее типическим выражением этой утопии является в особенности одна сказка, где героем является солдат—дезертир и... экспроприатор.

Был у старика и старухи сын Мартышка, «работы никакой не работал» и за безделие был отдан отцом в солдаты. На службе ему не повезло, ушел он самовольно с часов, поставил ружье на полку, щелкнул фельдфебелю «шариком в лоб», за что и был жестоко наказан розгами. Под впечатлением этого наказания он получил во сне откровение: «сбеги, Мартышка, в иное королевство, там тебе жизнь будет добрая. Дойдешь ты до этого королевства, и будет тут речка, через речку мост, а подде моста трехэтажный каменный дом; зайди в этот дом, в том дому никого нет, а стоит стол, на столе довольно всякого кушанья и разных напитков; наешься ты, напейся и в стол загляни; в том столе в ящичке лежат карты однозолотные и кошелек с деньгами. Однозолотными картами хоть кого обыграешь, а из кошелька хоть полную гору насыпь золота, из него все равно не убудет». Мечта об «ином королевстве» сбылась буквально. Мартышка присвоил себе чужой дом, взял чужой кошелек и карты. Отсюда — начало наполеоновской карьеры солдата. Отправился он в трактир, куда министры да генералы ходят и сам король приезжает, ударил

¹⁾ Королевич и его дядька, 67, а.

²⁾ Безногий и слепой богатыри.

маркитанта по лицу, стал водку пить, сыпать деньгами из кошелька, да генералов угощать. Доложили генералы о Мартышке самому королю. Стал король Мартышку водкой угощать: «Опохмелся, мол, служивый». А тот ему в ответ: «Идите сами, ваше величество, мне и своих денег не пропить будет». После того обыграл солдат короля в карты, выиграл у него все деньги, платье, и лошадей с каретою, да кучера с фалетуром и запятником; «опосля ему все взат отдал». Кончил свою карьеру Мартышка королевским любимцем и «набольшим министром»; уезжая в другую землю, поставил его король вместо себя править королевством. «И повел Мартышка по своему; приказал он шить на солдат шинели и мундиры из самого царского сукна, что и офицеры носят, да прибавил всем солдатам жалованья—кому по рублю, кому по два и велел им перед каждой едой (едю) пить по стакану вина и чтобы говядины и каши было вдоволь. А чтоб по всему королевству нищая братья не такалась, приказал выдавать из казенных магазинов по кулю и по два на человека муки. И так-то за его солдаты и нищая братья Бога молят»¹⁾.

Мечта простого народа о царстве вообще неоднократно выражается русской сказкой; повесть о том, как мужик стал царем, там повторяется не раз²⁾. Это—Царь «такой добрый для подданных, особливо для солдат»³⁾. Те же демократические требования предъявляются и королям не демократического происхождения. Сказка рассказывает о загробных мучениях недоброго к простому народу короля: на нем черти дрова возят и погоняют его дубинками. На вопрос солдата о его житье-бытье на том свете король отвечает: «Ах, служивой! Плохое мое житье. Поклонись от меня сыну... да накрепко ему моим именем закажи, чтобы ни обижал он ни черни, ни войска; не то Бог заплатит!»⁴⁾. Несчастный, обиженный судьбою и людьми, обращается к царю с вопросом: «Отчего мне счастья нет». И сказка признает царя обязанным войти в

¹⁾ Роза, 113, в.

²⁾ См. напр. Равда и Кривда, 66, а, и Сказка про утку с золотыми яйцами, 144 в.

³⁾ Окаменелое царство, 153, в.

⁴⁾ Пойди туда—не знаю куда, 122, с.